

Министерство образования и науки, молодежи и спорта Украины

**Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
Кафедра истории древнего мира и средних веков**

**Одесский археологический музей
Национальной Академии Наук Украины**

**Отдел археологии Северо-Западного Причерноморья
Национальной Академии Наук Украины**

ДРЕВНЕЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Выпуск IX

Одесса

ФЛП «Фридман А.С.»

2011

ББК 63.3(237Ук,7)

Д 73

УДК 902/904

Рекомендовано к печати Ученым Советом исторического факультета Одесского национального университета имени И.И. Мечникова. Протокол № 5 от 21 февраля 2011 г.

Древнее Причерноморье. Выпуск IX / Глав. ред. И.В. Немченко. – Одесса: ФЛП «Фридман А.С.», 2011. – 520 с.

Сборник «Древнее Причерноморье» составлен на основании материалов IX Чтений памяти профессора П.О. Карышковского, международной конференции, которая состоялась в ОНУ имени И.И. Мечникова 11-13 марта 2011 г. и была посвящена 90-летию со дня рождения этого выдающегося ученого. Выпуск включает статьи по проблемам нумизматики, эпиграфики, археологии Северного Причерноморья, античной и средневековой истории, византиноведения, истории Европы раннего нового времени, историографии и т.д.

Редакционная коллегия:

Немченко И.В. – к.и.н., зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков ОНУ имени И.И. Мечникова, главный редактор.

Демин О.Б. – д.и.н., зав. кафедрой новой и новейшей истории ОНУ имени И.И. Мечникова.

Дзиговский А.Н. – д.и.н., профессор кафедры археологии и этнологии Украины ОНУ имени И.И. Мечникова.

Кушнир В.Г. – к.и.н., декан исторического факультета ОНУ имени И.И. Мечникова.

Луговой О.М. – к.и.н., доцент кафедры истории древнего мира и средних веков ОНУ имени И.И. Мечникова, технический редактор.

Охотников С.Б. – к.и.н., зам. директора Одесского археологического музея НАНУ.

Руссес Н.Д. – д.и.н., проф. Высшей антропологической школы (Кишинэу, Молдова).

Самойлова Т.Л. – к.и.н., зав. Отделом археологии Северо-Западного Причерноморья НАНУ.

Смынтына Е.В. – д.и.н., зав. кафедрой археологии и этнологии Украины ОНУ имени И.И. Мечникова.

Рецензенты:

Бруяко И.В. – д.и.н., директор Одесского археологического музея НАНУ.

Сорочан С.Б. – д.и.н., зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина.

*Издание осуществлено при финансовой помощи **Владимира Владимировича Левчука и Владимира Алексеевича Кравца.***

ISBN 966-96181-5-1

© Кафедра истории древнего мира и средних веков
ОНУ имени И.И. Мечникова, 2011

⁷ Щербакова Т.А., Тащи Е.Ф. Родосские клейма сер. III – пер. пол. II вв. до н.э. на поселении Чобручи в Нижнем Поднестровье // ССПК. – Т.ХI. – Запорожье, 2004. – С.288-290.

⁸ Шелов Б.Д. Керамические клейма... – С. 104, № 365; Gerhard Jöhrens. Op. cit. – S. 420, №№ 204, 205.

⁹ Ефремов Н.Ф. К истории торговых связей Книда с Северным Причерноморьем (по материалам керамических клейм) // Греческие амфоры. – Саратов, 1992. – С. 258.

¹⁰ Колесников А.Б. Керамические клейма из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка // ВДИ. – 1985. – №2. – С. 82. Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. – Саратов, 1994. – С.62; Федосеев Н.Ф. Хронология синопских магистратских клейм. Тезисы докл. межд. конф. «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. – Запорожье, 1994. – С. 189; Sopović N. Les timbres amphoriques.2. Sinore. (Histria-VIII). – Bucarest-Paris, 1998. – P. 38, 51; Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. – Саратов, 1999. – С. 484, 486-489.

¹¹ Ефремов Н.Ф. Указ. соч. – С.264.

¹² Бадальянц Ю.С. Торгово-экономические связи Родоса в Северном Причерноморье в эпоху эллинизма (по материалам керамической эпиграфики) // ВДИ. – 1986. – №1. – С.92; Самойлова Т.Л. Тира в VI–I вв. до н.э. – К., 1988. – С.52; Кац В.И. Методика сравнительной оценки экспорта-импорта товаров в керамической таре из одного производственного центра // Греческие амфоры. – Саратов, 1992. – С. 213, табл.3; с. 220.

Т.Н. Попова (Одесса, Украина)

П.М.БИЦИЛЛИ В КОНТЕКСТЕ СХОЛАРНОЙ ИСТОРИИ

*Научная школа... принадлежит к группе явлений,
представление о важности которых значительно
превышает уровень понимания их сущности.*

Э.М. Мирский

«Схоларная история» – одно из ведущих направлений современной историографии. Рассматривая науку с позиций деятельностного подхода, мы неизбежно приходим к необходимости выявления специфики научной деятельности в сложной системе коммуникативного многообразия, в структурных конфигурациях организации научного труда, в процессе передачи определенной научной культуры.

Петр Михайлович Бицилли (1879–1953), воспитанник и затем преподаватель кафедры всеобщей истории Новороссийского университета, в январе 1920 г. эмигрировал в Югославию, с 1924 г. был приглашен на должность профессора кафедры всеобщей истории университета Св. Климента Охридски в Софию, где и проработал практически до конца жизни. Десятилетия пребывавший в полосе академического забвения, П.М. Бицилли ныне – всемирно известный ученый, один из провозвестников

научных направлений, развертывание которых приобретает свое ускорение в наши дни. Столь неординарная фигура привлекла внимание представителей научного сообщества разных стран. Вполне естественно, что многие исследователи ставят вопрос об интеллектуальных корнях ученого, о принадлежности П.М. Бицилли к определенной схолярной традиции.

В бициллиеведческих публикациях уже сложились подходы к пониманию «школьных истоков» П.М. Бицилли: его творчество соотносят с культурологической школой петербургских медиевистов во главе с профессором И.М. Гревсом¹; интерес к итальянской проблематике научных исследований связывают с влиянием на молодого Бицилли профессора богословия Новороссийского университета А.М. Клитина²; акцентуализируют роль в формировании Бицилли-ученого таких фигур как Э.Р. Штерн, В.Э. Крусман и особенно Е.Н. Щепкин³.

П.М. Бицилли сложно причислить к какой-либо школе: он «не укладывается» в привычные историографические и историко-философские схемы. Одна из причин, безусловно, в том, что П.М. Бицилли не получил четко ориентированного «научного воспитания». Выбор им доминирующей исследовательской проблематики изменялся под влиянием, в первую очередь, постоянной «смены» научных наставников. Первое увлечение «новистикой» еще в студенческие годы было прервано с «уходом» Е.Н. Щепкина в большую политику. Обращение к римской истории, вероятнее всего, из-за отъезда Э.Р. фон Штерна в Германию не имело квалификационного завершения – защиты магистерской диссертации по античной тематике. Лишившись перманентного научного руководства со стороны столь авторитетных ученых, Петр Михайлович делает выбор в пользу медиевистики. И здесь, вероятно, свою роль сыграл В.Э. Крусман, в большей мере наставник-товарищ, прошедший хорошую школу, который не смог все-таки стать для П.М. Бицилли тем, кем для самого Владимира Эдуардовича были его учителя – Г.В. Форстен и И.М. Гревс. Общая ситуация с учебной нагрузкой на кафедре – передача молодому преподавателю всех курсов по истории средних веков («дидактический фактор») – во многом обусловила новую научную ориентацию.

Сложная эволюция поисков исследовательской доминанты – от новистики через антиковедение к медиевистике, глубина погружения в материал (черта, свойственная П.М. Бицилли с молодых лет) способствовали формированию широчайшего научного кругозора: проблемы античности, средневековья, новой и новейшей истории; европейской, российской, украинской, истории Востока и проч. составили специальные предметы его изысканий.

Е.Н. Щепкин, безусловно, оказал значительное влияние на формирование научной культуры П.М. Бицилли. В.Э. Крусман, а через него – школа И.М. Гревса, возможно, сконцентрировали его внимание на культурологическом подходе. Определенная «опозиционность» по

отношению к Л.П. Карсавину, возникшая в процессе рецензирования его работ и усугубленная затем личностным неприятием (по свидетельству А.П. Мещерского), способствовала выработке индивидуального исследовательского маршрута. Не исключено также, что контакты с А.М. Клитиным в студенческие годы помогли ему позже, в процессе знакомства с новейшими медиевистическими исследованиями, сфокусировать взгляд на конкретных проблемах итальянского средневековья. И, тем не менее, в современном арсенале бициллиеведов нет его-документов, в которых бы Петр Михайлович четко признавал кого-либо из указанных персон в качестве своих учителей.

П.М. Бицилли формировался как ученый в значительной степени по «историографической традиции», поглощая и классику и все «новинки», приобрета глубочайшие знания в области философии, истории, социологии, истории культуры в целом и постепенно определяя свой собственный путь в науке. Особенностью подхода Петра Михайловича к анализу идей своих предшественников и современников является научная корректность и одновременно творческая независимость от пиетета к историографической репутации. Для него исключено «слепое» следование за признанными традициями. П.М. Бицилли не «цитирует», но досконально разбирает концепцию любого автора, выделяя со своей точки зрения важное, значительное, созвучное его убеждениям, и, вместе с тем, жестко критикуя те положения, в которых видит противоречия, алогичность, недоказательность. «Критики» не избежали даже такие, почитаемые им, личности, как Г.В.Ф. Гегель, Э. Трельч, В. Дильтей, М. Вебер, Б. Кроче, А. Бергсон. Для него не существует «магии» авторитета. Эта черта была присуща Петру Михайловичу еще в период его академической «молодости». Приват-доцент провинциального университета начинает свою публикаторскую деятельность с достаточно резких рецензий на книги известных ученых в западной и российской историографии.

Одновременно П.М. Бицилли приходит к собственному видению «школы». Любое объединение, считает Петр Михайлович, – научная школа, партия, секта – имеет нечто общее: все они основаны на самоотречении, самоограничении и дисциплине. Сам факт «причастности» к какому-нибудь «изму» всегда «обязывает», а для ученого это означает ограничение собственного исследовательского поиска, что препятствует творческой активности. «Школа» в принципе тяготеет к тому, чтобы «сомкнуться» вокруг учителя (руководителя, в которого верят и за которым идут его ученики-последователи), создавшего свою доктрину или идеологию (систему идей, теорию, концепцию). Однако это может привести к тому, что ученики «замкнутся» в учении своего наставника. И чем совершеннее мастерство Учителя, тем более бесплодными могут оказаться его воспитанники. Нередко ближайшие ученики того или иного авторитета, убежден П.М. Бицилли, понимают его значительно хуже, «нежели стоящие поодаль». Более ценным и

плодотворным бывает влияние, воспринятое на уровне интуиции, а не исходящее из того, что «прямо высказано учителем». Полноценна только та школа, считает П.М. Бицилли, в которой живет свободная мысль, в которой растет и развивается доктрина, а адепты соответствующих учителей являются «живой связью между ними и миром». Если вся работа «Школы» выполняется «единственно для нужд Школы», если она обращена всецело на доктрину, если ученики в состоянии перенять только «грамматику» метода и заниматься «подражанием», – школа бесплодна, а ее представители превращаются в комментаторов, глоссаторов или популяризаторов доктрины своего учителя (даже если его учение оказало благотворное, обогащающее мысль, влияние на современников и потомков). Творческая работа над доктриной, напротив, должна «исходить от последней», творческое усвоение идеологии должно заключаться в усвоении «духа» метода, что является самым важным и ценным в любом учении. Стремление к обретению своей, индивидуальной «манеры мастера» на основе интуитивного восприятия «духа» – сущности (т.е. – метода) разнообразных учений мыслителей – в этом видел П.М. Бицилли задачу ученого⁴.

Пожалуй, позиция «отстраненности» от каких-либо «объединений», научный индивидуализм – это принципиальные, вполне осознанные черты творческого облика Петра Михайловича. Великолепный знаток классического наследия мировой философской и исторической мысли, стремящийся уловить все новейшие тенденции интеллектуального движения, П.М. Бицилли, тем не менее, не соотносил себя с каким-либо конкретным течением или научной школой. «Независимый и одинокий мыслитель», как заметил Б.С. Каганович, П.М. Бицилли представлял всегда «свою собственную партию»⁵.

Позиция ученого, его самоидентификация в определении собственной сопричастности к схолярной традиции – весьма важный показатель. Мы уже отмечали, что, воздавая должное своим наставникам⁶, он нигде не называет их своими учителями, никогда не говорит о «школе» ни в образовательно-исследовательском плане, ни в теоретико-методологическом. Однако обратим внимание на тот факт, что свою диссертацию П.М. Бицилли посвящает alma mater: «Новороссийскому Университету, воспитавшему меня и давшему мне возможность написать настоящую работу приношу здесь мою глубокую благодарность»⁷.

Не отрицая значения многообразных форм интеллектуальных влияний, но напротив, подчеркивая важность их скрупулезного изучения, может быть следует в данном случае поставить вопрос о специфике «научной школы» как таковой, об индивидуально неповторимом облике «школы» в творческой судьбе отдельного ученого?

В современной схолярной историографии наблюдается возрождение интереса к феноменам «региональных школ». А.Е. Шикло, ученица И.Д. Ковальченко, одной из первых обозначила данную проблему: «Есть

понятие «школа» Московского университета, Санкт-Петербургского, Томского и др.»⁸.

Изучение т.н. «региональных школ» имеет весьма давнюю традицию: в конце XIX в. эту проблему в аспекте «оппозиционности» (с акцентом на специфику) Московской и Санкт-Петербургской «школ» наиболее четко представил П.Н. Милюков⁹. Этот подход был характерен для Н.И. Кареева, который в области изучения русской истории («национальной истории») выделял «целую школу украинских историков», сложившуюся в Киевском университете (Н. Костомаров, его последователь В. Антонович с многочисленными учениками); «целую школу», воспитанную в Московском университете В.О. Ключевским («Московская школа Ключевского»); в Петербургском университете, по его мнению, «...семинары Платонова и Лаппо-Данилевского явились двумя основными школами, отсюда вышли многие историки» и т.п.¹⁰ В советской историографии эту линию продолжили О.Л. Вайнштейн и С.Н. Валк¹¹. Однако вскоре «географический» принцип анализа исторических школ был признан «антинаучным», подрывающим единство советской науки, и в официальной историографии возобладал нивелирующий подход к изучению «университетских» («региональных») школ¹².

С 1990-х гг. новое геополитическое и социокультурное поле детерминировало интерес как к проблемам регионалистики в целом, так и к схолярной истории «в региональном измерении»: новый импульс получили не только исследования теоретического характера (по вопросам категориального аппарата схолярной истории), но и конкретно-историографические – о школах столичных и региональных университетских центров¹³.

В этом плане можно говорить о том, что П.М. Бицилли – представитель «одесской школы историков»¹⁴ по аналогии с уже утвердившимися в литературе подобными определениями на основе «топонимизации» педагогического центра. При этом правильнее, на наш взгляд, будет конкретизировать «педагогический центр» – Новороссийский университет, который представлял собой вполне самобытное явление в границах своего существования (1865–1920). Традиции Новороссийского университета как «научно-историографического центра» (В.П. Корзун), безусловно, нашли свою проекцию в научно-педагогической практике Одесского Института народного образования (1920–1930) и других высших учебных заведений Одессы в период ликвидации университетской системы в Украине, в научной жизни Одесского университета¹⁵.

Историки-эмигранты, бывшие преподаватели университета, внесли весомый вклад в развитие исторической науки европейских стран. В частности, П.М. Бицилли, воспитанник и профессор Новороссийского университета, стал фундатором в постановке преподавания и исследования всеобщей истории в университете «Св. Климента Охридски» (София);

основоположником культурологического подхода к изучению исторического процесса; первым обратил внимание на необходимость разработки теоретико-методологических проблем исторической науки; сыграл значительную роль в воспитании новой генерации болгарских историков: его влияние на стиль мышления и исследовательские подходы целой плеяды болгарских ученых – бесспорно¹⁶.

Специфика Новороссийского университета – достаточно «кратковременное» пребывание здесь ученых первой величины, преобладание в педагогическом составе выпускников иных университетских центров – факт, чаще всего рассматривавшийся в литературе как «негативный», свидетельствующий о провинциальности и «второразрядности» университета, в контексте теории «сетевых коммуникаций» (Р. Коллинз и др.) приобретает иное звучание: «...взаимообогащающее пересечение в пространстве университета представителей различных научных школ и традиций»¹⁷ способствовало воспитанию в его недрах незаурядных ученых – А.И. Маркевича, М.Г. Попруженко, А.В. Флоровского, Г.В. Флоровского, П.М. Бицилли, Н.Л. Рубинштейна, О.Л. Вайнштейна, К.П. Добролюбовского и многих других, составивших гордость отечественной и мировой науки.

Новороссийский университет для П.М. Бицилли, как и для многих иных выпускников, можно рассматривать как «генетический тип школы»¹⁸: в координатах «учитель/учителя–ученик», в процессе сложного переплетения взаимообщений происходило «привитие» ученику и интереса к конкретной проблематике, и формирование определенного типа научной культуры – стиля мышления и исследовательских методов.

Проблема «интерференции» – пересечения научных школ, «наложение друг на друга» различных типов научной культуры – может стать ключевой для изучения схолярной истории в ее «региональном измерении».

¹ См.: Каганович Б.С. П.М. Бицилли и его книга «Элементы средневековой культуры»

// Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. – СПб., 1995. – С.VIII.

² См.: Демин О.Б. П.М. Бицилли и одесская медиевистика // CURRICULUM VITAE. Сборник научных трудов. Вып. 2: Творчество П.М. Бицилли и феномен гуманитарной традиции Одесского университета. – Одесса, 2010. – С.58-65.

³ См.: Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. – Одесса, 2007; Она же. П.М. Бицилли: проблема наставников и школы (К 130-летию со дня рождения) // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. – Вып.5. – Омск, 2009. – С.52-71.

⁴ См.: Бицилли П.М. Параллели // Бицилли П.М. Избранное: историко-культурологические работы. – Том первый. – София, 1993. – С. 211-216.

⁵ Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. – СПб., 2007, - С.213.

⁶ См.: Бицилли П. Памяти В.Э. Крусмана // Русская мысль. – 1923. – Кн. ½; Б.[ицилли П.] Тридцатилетие научной деятельности профессора Е.Н.Щепкина // ОЛ. – 1916. – 6 января;

⁷ Бицилли П.М. Салимбене: (Очерки итальянской жизни XIII века) // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А. Юсим. – М., 2006. – С. 240.

⁸ Шикло А.Е. Методическая разработка к курсу «Историография российской истории». – М., 1993. – С. 26.

⁹ См.: П.Н. Милюков. Два русских историка: С.Ф. Платонов и А.А. Кизеветтер // Современные записки. – 1993. – № 51; Он же Воспоминания. – М., 1990 и др.

¹⁰ Кареев Н.И. Отчет о русской исторической науке за 50 лет (1876-1926) / Публ. В.П. Золотарева // Отечественная история. – 1994. – № 4. – С. 143.

¹¹ См.: Вайштейн О.Л. Историография средних веков. – М.; Л., 1940; Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной научной сессии. Секция исторических наук. – Л., 1948. – С. 3-79.

¹² Алпатов М.А. Исторические взгляды П.Н. Кудрявцева, С.В. Ешевского и М.С. Куторги // Очерки истории исторической науки в СССР. – Т.1. – М., 1955. – С. 479-480 (прим.) и др.

¹³ См.: Д.А. Гутнов. Об исторической школе Московского университета // Вестник Московского университета. – Серия 8. История. – 1993. – № 3; Б.С. Каганович. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. – СПб., 1995; Ягудин Б.М. Н.А.Осокин и становление Казанской школы всеобщей истории. – Казань, 1998 и др.

¹⁴ См.: Пичета В.И. Введение в русскую историю. – М., 1922. – С. 201.

¹⁵ См.: Аппатов С.И., Демин О.Б., Першина З.В. Историческая наука в Одессе за 200 лет // Очерки развития науки в Одессе. – Одесса, 1995. – С. 450-491; Попова Т.Н., Станко В.Н. Исторические исследования в Одесском университете: традиции и современность // Вестник Одесского государственного университета. – Вып. 1. – Одесса, 1995. – С.37-52; История Одесского университета (1865-2000). – Одесса, 2000 и др.

¹⁶ Велева М. Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. – София, 2004. – С. 155-156.

¹⁷ Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 25/2. – М., 2008. – С. 396.

¹⁸ Каганович Б.С. Петербургская школа медиевистики в конце XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1986. – С.3.

¹⁹ См.: Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». – Казань, 2000. – С.154; Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах. – С.58-60.